

**«А ПОТОМ – ТЬМА» –
ФОРМУЛА ОБРАТНОГО ДВИЖЕНИЯ**

Вера Зубарева. Об ангелах и людях: Трактаты и поэмы / Послесл. И. Роднянской. Иллюстрации Э. Неизвестного – М.: Стеклограф, 2020. – 120 с.

Эти люди, очевидно,
Норовят в свои же предки.

А. К. Толстой

В человеке главное – человек. Он является единицей измерения эволюции, которая возможна только при условии, что он способен переосмыслить настоящее, увидеть его тенденции, осознав несовершенство той стадии, на которой находится. От глубины и полноты этого осознания зависит вектор будущего.

Три стихотворных трактата («Трактат об Ангелах», «Трактат об Обезьяне» и «Трактат об исходе») вместе с десятью другими поэмами, включенными в книгу Веры Зубаревой «Об ангелах и людях», посвящены проблеме современного сознания в ракурсе отношения к библейским ценностям. На XI Международном славянском литературном форуме «Золотой витязь» книга удостоена золотого диплома.

Триптих представляет критический взгляд на установки современного общества с его тягой к богоборчеству. Но не в виде логической цепи доказательств, как требует жанр научного трактата, а опосредованно – путем введения образа анонимного ученого, находящегося во власти популярных догм. Перед нами – псевдоученый и псевдотрактаты, произведение художественное, а не научное. Персонаж Зубаревой нередко оперирует понятиями библейскими, но лишь для того, чтобы доказать их эфемерность. Так, понятия рай и ада для него категории чисто физиологического свойства: «Попадаешь в рай/ Собственного левого полушария».

С позиций технократических этот псевдоученый подходит и к ангелам:

На самом же деле ангел это ангел –
Летательное устройство с мыслящим отсеком.

Режиссируя свою модель современности, Зубарева приглашает в мир не столько ангелов, сколько атеистических представлений о них. Ирония автора просматривается в заявлениях анонимного ученого типа «Человек – поскольку был одарен – / Хоть и не отведал с Древа Жизни, но изобрел себе душу». Такого человека больше интересует «способ размножения ангелов», нежели высокие принципы, на страже которых они стоят:

А ангелов все равно никто до конца не разберет:
Как у них получается без наслаждения и муки
Воспроизводить свой ангельский род,
При помощи какой механической штуки?..

Суррогатное понимание высших сущностей и обеспечивает переворот в сознании. Но — в обратную сторону.

Если вертикаль описана подобными ангелами, то горизонталь — умствованиями той самой дарвиновской обезьяны, которая никак не может вочеловечиться согласно теории. По мистической версии в трактате, она «насиленно превращена в человека». Зато ее статус поднимается до «примат-доцента», впоследствии даже замахнувшегося на докторскую диссертацию, правда на неопределенную тему. От лица этого самонадеянного «соискателя» истины ведется повествование, в котором притязания на лидерство в истории смехотворны, но фарсовая многозначительность — удручающая.

График эволюции выстраивается во внешних совпадениях и потенциальной разобщенности двух начал. Автор Вера Зубарева стоит на той позиции, что человек — это еще и носитель образа Творца, и его высшее творение. Ее же псеудоученое детище, напротив, связь с божественным началом мира отрицает. Иррациональное соревнование человека с высшими силами «уже выходит ему боком»: деградируя, он продвигается «задом наперед».

Следующий этап — исход из Египта («Трактат об исходе»). Вопреки библейской аналогии вместо пути к освобождению происходит примитивное «возвращение блудного человека к Обезьяне». Так, по сути, человечество совершает абсурдный переход из плена собственной иллюзии в реальное рабство бездуховности. И на общую потеху возникает «обезьяний ренессанс».

В результате «человек изгоняет Бога из своего вертепа». И скатывается до «позвоночного млекопитающего» по тем ступеням, по которым некогда восходили его пассионарные предки. Поправшие свое божественное начало, инфицированные вирусом среднеарифметического интеллекта люди «погрязли в своей социальной психушке». Массовый отклик вызывает материальная приманка:

...человеческой библией
Давно уже стал «Капитал» Маркса:
Экклезиаст писал об убыли, а Маркс — о прибыли,
И на это откликнулась читающая масса.

Так низшая реальность восторжествовала над высшей.

По мере углубления в трактаты их сатирическая манера, намеки и гротески, ирония, порой доходящая до колкого укора, и комическая парадоксальность образов перерастают в проблему дальнейшей выживаемости, напрямую зависящей от культурного уровня общества. Если в центре его Обезьяна, которая, объявив себя «солнцем для homo sapiens», куражится, зеркалит ангелов, искажает человеческую суть, — культура под угрозой:

Под ее влиянием уже пересматривается
Прототип «Чудного мгновения» Пушкина.

Впечатление такое, что, Зубарева, создавая серию образов, таким способом компенсирует изжогу от скудного духовного рациона, потребляемого современным чело-

веком. В оттеночной гамме ее улыбки, то веселой, то озабоченной, то удивленной или вопрошающей, нет насмешки. А тем более — осуждения! Вместо вердикта за остроумно-игровым строем речи проглядывает патетическое предостережение:

Любая человекоподобная обезьяна
Культурней обезьяноподобного человека.

Эволюционные интерпретации человека упомянуты и в других поэмах, являясь неким фабульным стержнем, связующим их вместе с трактатами в цельную книгу. Равновесие нарушает все та же двойственность, когда животное начало в человеке стремится возобладать над разумом, рождающим чувства добрые. Актуальность этого противопоставления не снимается на протяжении всей книги, ставя перед проблемой выбора своей доминанты.

Ирина Роднянская в послесловии к книге выделила как один из основных лейтмотив беспокойства за будущее человечества.

В поэме-буфф «Собакиада» человек, уступая в интеллекте собаке, меняется с нею ролями. Собака занимается его воспитанием и образованием и в конце успокаивает новоиспеченного «шарикова»:

Ты сдашь экзамен на аттестат зрелости
И станешь большим и умным. Как собака.

Подобные экземпляры рода человеческого в поэме «Тень города, или Поэма о нашем времени» на вопрос: «Откуда мы?» — отвечают: «Говорят, из микробов». Тревожиться за будущее вынуждает не их ничтожность, а всепроникающий характер их существования, сопровождаемый недоумением: «...зачем мы — люди?»

Метаморфоза превращения их, «презренных, недоразвитых, неловких», в нелюдей показана в «Реквиеме по снегу» и «Свече», где звучат мотивы трагедии в Доме профсоюзов, произошедшей в Одессе 2 мая. Разгул низменных инстинктов обезобразил лицо человеческое до зверского в убийственном «ликование победной орды». Глядя на это: «Если бы звери умели смеяться, / Они бы ощерились в диком хохоте», в поэмах, завершающих книгу, звучит все чаще мысль о том, что «будущего нет», и с почтой приходит «похоронка будущего, ставшего прошлым». Уже серьезно, без прежней иронии Зубарева говорит об угрозе вырождения человеческого начала в человеке, еще, к счастью, стоящем на распутии.

Владислав КИТИК